

УДК 801.73: 165.19

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

МИФОЛОГИЯ ТЕКСТА. РЕФЛЕКСИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ОСОЗНАНИЯ (ЭТЮД №2)

Очерк представляет собой второй [1] коллаж из фрагментов произведений разных философов, сопровождаемый ассоциациями и размышлениями автора, задавшего целью: обнаружить присутствие общих архетипических оснований, незримо творящих мифологию текста.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, понимание.

Что есть текст?

Из множества бытующих у философов и филологов определений, возьмем в данном случае самое простое «текст – есть связанная и полная последовательность знаков». Не такое уж оно и простое, потому как сразу тянет за собой целую свору вопросов: зачем он вообще создается? Каков его смысл? Связанность и последовательность – это главные признаки текста? Устная последовательность знаков является ли полноценным текстом? Необходима ли авторизация текста или достаточна его безымянность? Обладает ли текст собственной живучестью, если он не вовлечен в культурный и научный контекст? Не подобен ли текст вирусу, который оживает в теле нового организма (как текст может оживать в мыслительном поле отдельно взятого сознания, работающего с отдельно взятым текстом)?..

Тогда, если отвлечься от назойливо возникающих вопросов по поводу полноты определения и объяснения феномена текста, мы попробуем вернуться к мифологии, связанной с текстом. И, возможно, к своему удивлению, обнаружим, что мифология текста – это одна из форм его существования. Неисключено – имеющая глубинную вирусную природу. Именно при помощи этой формы (мифологических слухов, интерпретаций и предположений) текст проникает в наше сознание (или в подсознание, а, может – в бессознательное) и начинает готовить там почву для своего восприятия и дальнейшего освоения.

Мифология текста может иметь невидимую сакральную, символическую оболочку, способствующую возбуждению интереса нашего сознания к определенным мифическим флюидам пока еще не знакомого, неизвестного и совершенно непознанного текста.

В процессе проникновения происходит символическое инфицирование сознания и включение цепной реакции внутренних архетипов нашего сознания, активно создающих мифический образ еще неосвоенного текста.

Как говорил великий демагог конца XX века: «процесс пошел!..».

Создается удивительное состояние захваченности сознания и концентрации внимания на новой (прежде неизвестной) связанной последовательности знаков, именуемой текстом.

Здесь мы прервемся и выскажем первую гипотезу, имеющую причастность к созданию мифологии философских текстов: если смешать неосхоластику М. Хайдеггера с абсурдом А. Камю, и добавить к вышеназванным установкам изрядную порцию герменевтики М. Бахтина – в итоге мы можем получить деконструкцию Ж. Деррида (или Дерриды).

Когда почитатели постмодернизма много и восторженно говорят про своего Дерриду, приходит на память анекдот из 1982 года («застой», брежневский времена). «Вы слышали, что у нас появилась новая партия? Она называется партией пофигистов? Отправляют журналиста взять интервью у председателя партии пофигистов.

Журналист: А правда, что вам всё по фигу?

Председатель: Да – правда – нам всё по фигу! Это наш главный принцип.

Журналист: И работа?

Председатель: Да! Нам по фигу всякая работа.

Журналист: А зарплата?

Председатель: А зарплата нам совсем не по фигу.

Журналист: А как же главный принцип?

Председатель: А вот принципы нам как раз по фигу!».

Как заключает Деррида, «чем не является деконструкция? – да всем! Что такое деконструкция? – да ничто!» [5]

Один из главных переломов, произошедших в истории философии XX века – это вторжение в поле философии целой плеяды философствующих филологов. Конечно, и до Ницше (вторая половина XIX века) в философии иногда были большие любители погружаться в языковые бифуркации (почему-то сразу приходят на ум Плотин и Боэций, не считая чародеев средневековой схоластики – таковы мои субъективные предпочтения). Но в XX веке произошла своеобразная филологическая революция внутри единого философского поля: Витгенштейн, Бахтин, Хайдеггер и целая плеяда эстетствующих французов (не считая занудных аналитических философов).

Читая отечественных философов В. Бибихина и В.В. Ильина, всегда наталкиваешься на мысль, что в современной философии два господствующих направления: одни философствуют, другие – филологствуют. И те, и другие – предпочитают ругать рационализм и интуитивизм. Впрочем, мы уже говорили раньше где-то, что страсть деления на «измы» в философии просто неискоренима. Причислим кого-то или что-то к какому-нибудь «изму» – и будто бы прикоснулись к истине и продвинули вглубь философское познание...

После этого небольшого оживляющего отвлечения, возвращаемся к продолжению нашего сколлажированного текста по поводу рождения всевозможных мифологий присущих любому философскому тексту и даже любому фрагменту философского текста.

Начнем с Бибихина (по поводу Л. Витгенштейна):

6.1. В обязательное чтение о мире должен войти «Логико-философский трактат» Витгенштейна. Парадоксы мира начинаются здесь с первой позиции: «Мир есть всё то, что имеет место». Позиция 5.4711: «Дать сущность предложения значит дать сущность всех описаний, следовательно, дать сущность мира». Позиция 5.61 содержит инверсию первого тезиса: в мире существует то, что в нем существует. Позиция

5.63: «Я есть мой мир». Последняя фраза «Трактата»: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать», тоже должна пониматься в свете того, что сказано непосредственно выше: «Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их... Он должен преодолеть эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир». Надо только не упускать из виду, что тезисы Витгенштейна есть именно то, что они есть: вопросы. Метод Витгенштейна – научный. Когда мы имеем дело с наукой, надо помнить, что все ее утверждения имеют форму «если – то», поэтому наука не может в принципе сказать, что такое мир, не узнав у нас сначала, что мы понимаем под миром. [2]

6.1.1. Метод Витгенштейна научный? Временами возникает такое подозрение. В отдельных предложениях что-то есть похожее на стиль научного текста. Но чаще появляется желание назвать это произведение «Логико-абсурдный трактат». В нём побольше мистического, чем в произведениях средневековых мистиков. «... Кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность», – тогда зачем «городить огород», чтобы впоследствии признавать бессмысленность своих предложений?

От Бибихина и Витгенштейна – неожиданный переход к мастеру философской разговорной импровизации, выдающемуся советско-российско-грузинскому философу Мерабу Мамардашвили:

7.1. Вежливость. Конечно, от страстей не убежишь, они сотрясают нас, тело наше и вместе с ним душу, но жесты хотя бы контролируйте, если вы вежливы и воспитаны. И тем более – слова. Нечего впихивать шум и ярость в текст, уважайте того, кто его будет читать, не надо его ошарашивать. [9]

7.1.1. Шум и ярость в тексте – это революционная поэзия и коммунистическая философия. Вежливые страсти в философском тексте – это стиль для избранных. Вопрос о различии психологизации любого философского текста всегда остается открытым. Мы боимся признавать, что

любой автор – это личность, и редкий автор способен отразиться в тексте обезличенно. Вежливость – скорее аргумент и правило философской дискуссии. Философский текст может быть грубым и страстным, но только во имя поиска истины, а не поиска врагов...

7.2. Давайте расслабимся немного, потому что появилось какое-то напряжение, у меня во всяком случае, а это не по-декартовски. Декарт считал, что излишне напряженная волна усилия в случае стремления к истине затемняет и искажает искомую истину. С чем большей силой мы к ней стремимся, тем дальше от нее удаляемся. Поэтому давайте немного расслабимся и начнем с вещей более легких. [9]

7.2.1. Когда-то мне казалось (иногда, изредка), что я понимаю тексты-рассуждения М. Мамардашвили. Сейчас, знаю, что нет. Лишь отдельные места кажутся просто заманчивыми, но не совсем понятными. Средневековые схоласты «отдыхают», когда рассуждает Мамардашвили. Его «расшифровки» Декарта и Пруста – это нечто, о чем ни Декарт, ни Пруст подумать не могли. Он, якобы за них, передумывает и переоткрывает вероятный строй мысли и при этом изобретает много своего, явно не присущего исходным текстам.

7.2.2. Ну что значит, например: «Человек – это среднее между «ничто» и «бытием»? И дальнейшее извилистое обоснование этого «среднего». Ничто – это ничто. Бытие – это бытие. Человек не может быть средним между двумя крайностями. Он может «быть» или «не быть». Или он «есть», тогда принадлежит бытию, занимая ту часть пространства и времени, тот смысл, который способен объять и отразить. Если он животное, он занимает место животного, его экологическую нишу (динамическую), если же мыслящее существо, значит, «занимает» экологическую нишу мыслящего. Принадлежит не только бытию, но и пространству мысли (может оно и есть, и его нет одновременно?!). Но пока мне не нравится эта примитивная формулировка «среднего» между «ничто» и «бытием».

7.3. По Декарту, нельзя увидеть себя, не проделав феноменологическую редукцию, - ту самую знаменитую редукцию, которая с таким грохотом и усилиями совершалась Гуссерлем и другими мыслителями в XX веке. (Кстати, она же совершалась Витгенштейном, как это, может быть, ни странно и как бы ни были похожи один на другого эти мыслители.) [9]

7.3.1. Труды Декарта, Канта и Гегеля и иже с ними – идеальные субъективные, утопические текстовые конструкции. Степень их соответствия объективной реальности мира, истинность, адекватность и непревосходимость во времена научно-философского осмысления мира – это просто красивая мифология, обусловленная традициями и стереотипами общества и индивидуального познания и философствования.

7.4. Философия не может никому сообщить никакой суммы и системы знаний, потому что она просто не содержит ее, не является ею. [9]

7.4.1. Любая философия есть в определенном смысле (индивидуальном, историческом, да и в философском) – сумма и система знаний. В какой-то степени проявленная, и в какой-то степени – пока еще сокрытая (до времени её многократного прочтения и растолкования). А то, что «не содержит и не является» - скорее всего, вольные отвлеченные рассуждения умудренного жизненным опытом и абстрактным знанием усталого философа.

7.5. Миф, например, есть способ внесения и удержания во времени порядка того, что без мифа было бы хаосом. То есть миф есть способ организации и конструирования человеческих сил или самого человека, а не представление о мире – правильное или неправильное. [10]

7.5.1 Поиски философского камня – это что - мифология, алхимия или попытки постижения смысла бытия? Мы так плохо знаем феномен бытия идеального, феномен мысле-бытия, возникновения мысли, её проявления и отражения в головах современников, её дальнейшей трансформации, перемещение во времени, в социуме, в мироздании. Вневременность идеального устраняет многие вопросы.

7.6. Философский язык всегда условен и построен жестко для того, чтобы вдолбить нам в голову хотя бы одну мысль или один оттенок мысли.
[10]

7.6.1. Одновременно «условен и построен жестко» – чтобы хотя бы одну мысль или один оттенок мысли нам вдолбить: какая-то совершенно грустная и мутная характеристика необъятного философского языка. Скорее, это язык, во всем его многовековом разнообразии избыточно мифологичен и мистичен, но ему часто не хватает жесткости, в силу необъятного обилия мыслей и оттенков.

7.7. Фактически я сейчас коротко, буквально за несколько минут, передал вам содержание тысяч философских трактатов. Это и есть знаменитая проблема интерсубъективности, которой занимаются современные феноменологии. Почему нам важно разобраться в этой проблеме, и зачем вообще нужна такая философия. Затем, что, начав говорить или начав двигаться определенным образом, мы вляпались в ситуацию, и процесс ее прояснения просто неминуем. Причем, сказав «столб», люди умудрились придумать такие слова, которые о реальных столбах ничего не говорят. Скажем в грузинском языке они будут другие, в армянском еще какие-то, непонятные нам, и т.д. С чем же они должны соотноситься? С психологическим составом нашего сознания? Но тогда, чтобы слова имели смысл, должна быть возможность обмениваться не словами, а психологическим содержанием сознания. А можем ли мы этим обмениваться? [10]

7.7.1. «За несколько минут передал вам содержание тысяч философских трактатов» – здесь своеобразная попытка вежливо ошарашить собеседника. Полет импровизации, уходящий далеко за пределы вежливой строгости философского текста. Большой философ – всегда поэт и всегда мастер поэтико-философской импровизации. Порою трудно различить, где кончается философия и начинается поэзия.

7.8. Поэзия – это чувство собственного существования. Уникальные её ноты, некие существования как существования – ни о чем, ни почему, ни чего, не содержание, а существование, как существование. Кто-то даже так и определял поэзию: поэзия – это не поэтичность, поэзия – это чувство собственного существования. Ну вот, это и есть, мне кажется, философия.
[8]

7.8.1. Чувства переливаются в нас, как жидкость, заполняя пустоты души и тела. Разность давлений на стенки органов рождает разную глубину ощущений. Мы стремимся бесконечно дробить эти разности, утверждая процесс познания и стремления к полноте. Но, умножая сущности и порождая их «из ничего», мы не делаем мир понятнее, приятнее или добрее. Мы завоевываем пространство. Внешнее, внутреннее. С разным успехом, блуждая в потемках души и вселенной. Когда никто не понимает, наверное, это и есть истинная поэзия. Непонятное будоражит больше всего.

7.9. В момент смерти вся наша жизнь собрана, но её собранного вида мы не можем видеть и не можем им владеть именно потому, что мы умерли. [8]

7.9.1. Как проходят границы бытия? Ведь «бытие-небытие» совсем не сопровождается дихотомией «жизнь-смерть». Когда мы живем в мире бессознательно, рефлексивно, синкретично – это не бытие?! А когда в коме? А когда потеря памяти? Когда я пребываю в фазе истощения жизненных сил, могу ли я сохранить ту концепцию миростроения и миропонимания, которую сконструировал, будучи в фазе «жизненного порыва» или «избытка жизненной энергии»? Если нет, то тогда концепции и теории, порождаемые отдельным автором должны иметь индивидуальный (неповторимый) путь эволюции и тогда каждая теория имеет свой жизненный (на биологическом субстрате) эволюционный путь. И тогда развитие этой теории другим автором, это уже искажение, инородное влияние, экспансия другой «жизненной силы», ассимилирующей и трансформирующей прежнюю теорию часто до неузнаваемости, и вкладывающей в прежнюю теорию свои,

иные смыслы, основанные на иной «жизненной силе», на ином психоэнергетическом носителе.

7.10. В своей речи на философском конгрессе в Болонье в 1911 году Бергсон отмечал, что в основе всякого философского учения лежит некая исходная интуиция, «нечто простое, бесконечно простое» - что философу не удастся до конца высказать и о чем, собственно, он вынужден говорить всю жизнь, пытаясь к этой интуиции приблизиться. [8]

7.10.1. Вдруг появилось ощущение, что я уже где-то на подступах к новой философской системе (Концепции? Парадигме? В любом случае – частной теории, в смысле субъективной, личностной) ноосферогенеза... Что это? Опять воинствующий дилетантизм или интуиция, проникшая в глубинные пласты мирового разума своим необъяснимым предчувствием???

Когда читаю М.М.Бахтина, всегда вспоминаю дерридианцев и иже с ними (трудно объяснимая ассоциативность):

8.1. Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых слагается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления. Эта мысль, как поступок, цельна: и смысловое содержание ее, и факт ее наличности в моем действительном сознании единственного человека, совершенно определенного и в определенное время, и в определенных условиях, т.е. вся конкретная историчность ее свершения, оба эти момента, и смысловой и индивидуально-исторический (фактический), едины и нераздельны в оценке ее как моего ответственного поступка. [1]

8.1.1 Бахтин «К философии поступка» – весьма спорное начало: категорическое разделение субъекта и объекта в процессе познания и деятельности. «Индивидуальный поступок, совершенно не задевающий объективной теоретической значимости суждения» – мне очень трудно это

представить и принять. На мой взгляд, любое оригинальное суждение несет в себе черты субъективности конкретной личности и выражается именно через индивидуальный поступок. И никогда не возможно точно установить, какова степень соотношения объективного и субъективного в теоретическом суждении (?!)

8.2. Долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка (а все, даже мысль и чувство, есть мой поступок), есть некая установка сознания, структура которой и будет нами феноменологически вскрыта. Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой (конечно, не психологической или физической), на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально-нравственного долженствования). [1]

8.2.1. Истинность суждения почти всегда имеет относительную объективную зависимость от места в пространстве и времени, наличия энергетического потенциала суждения для носителей данной культуры, данного личного (индивидуального) и общественного (коллективного, массового) сознания. «Момент долженствования не выводим из теоретического суждения». Активность бытия не зависит от интеллектуальной доминанты сознания?.. Пока, я не понимаю Бахтина и его «долженствование» и его абстрактного «поступка». «...Так называемые этические нормы – суть, главным образом, социальные положения (нет специального этического долженствования в смысле совокупности определенных содержательных норм)». Т.е. полная социальная обусловленность этики, права, мировоззрения от субъективно установленных социальных положений? Здесь есть значительный исторический привкус... Но, определенно будоражит. Мысль оживает и хочется прыгать. В одном месте у него все зависит от социальных субъективных (они не могут быть

иными?!) установлений, а в другом – объективное суждение не зависит от субъекта, осуществляющего деятельность.

8.3. Никакая практическая ориентация моей жизни в теоретическом мире невозможна, в нем нельзя жить, ответственно поступать, в нем я не нужен, в нем меня принципиально нет. Теоретический мир получен в принципиальном отвлечении от факта моего единственного бытия и нравственного смысла этого факта, «как если бы меня не было», и это понятие бытия, для которого безразличен центральный для меня факт моей единственной действительной приобщенности к бытию (и я семь) и принципиально не может ничего прибавить и убавить в нем, в своем смысле и значении оставаясь равным себе и тождественным, есть я или меня нет, не может определить мою жизнь как ответственное поступление, не может дать никаких критериев для жизни практики, жизни поступка, не в нем я живу, если бы оно было единственным, меня бы не было. [1]

8.3.1. Бахтин нередко поражает глубиной своего абстрагирования, от человека и от текста. Как это у него получается? Шедевр схоластики 20 века! Гегель и французы «отдыхают», и Хайдеггер «отдыхает» вместе с ними! Предтеча: автор умер и субъект умер... Вопрос – кто создает текст, ради чего и ради кого? Нравственный смысл отвлеченного теоретического текста практически неуловим.

8.4. Вся современная философия вышла из рационализма и насквозь пропитана предрассудком рационализма, даже там, где старается сознательно освободиться от него, что только логическое ясно и рационально, между тем как оно стихийно и темно вне ответственного сознания, как и всякое в себе бытие. [1]

8.4.1. Всегда удивляет момент, когда всю (не много ни мало) современную философию сводят в одно предложение. Звучит примерно так: «подвергнем рационализм тотальному остракизму» во имя ясного ответственного сознания. Причем тут «всякое в себе бытие»?

Между Бахтиным и французами эпохи постмодерна неожиданно возникает Борис Гройс:

9.1. Философии сравнимы, скорее, с произведениями искусства – ведь каждое произведение искусства, по общему мнению, содержит внутри себя закон своего собственного понимания. Каждый философ, как и каждый художник, считает своим долгом создать новый критерий истины и придать самому слову «истина» новый смысл. [6]

9.1.1. Каждый философский текст – вполне похож на произведение искусства («искусства философской абстракции или герменевтики»). Но далеко не каждый философ претендует на создание новых критериев истины, как и новых её смыслов и содержаний. Вероятно, не более 10% крайне амбициозных философов испытывают претензии на построение истин и философских систем, превосходящих всё, что создано до них (Гегель, Ницше, Хайдеггер, Гройс...)

9.2. Так, Гегель и Хайдеггер попытались рассмотреть взаимное отношение конкретных философий. Но каждый из них исходил из превосходства собственного философского мышления, интерпретируя все прочие философские предприятия либо как закономерно приводящие к этому мышлению (Гегель), либо закономерно уводящие от него (Хайдеггер). [6]

9.2.1. Гегель, отрицая чувственное, интуитивное, метафорическое в «Феноменологии Духа», часто сам пребывает в чувственном, метафорическом выражении своего трансцендентно-абстрактно-системного объяснения мира и мыследвижения... Его дух не имеет (да и не может иметь) строгих и ясных очертаний, как и нравственность, которая является жизнью духа. Отрицая одни метафоры, мы часто (почти всегда) взамен водружаем в контекстах познания новые метафоры, рожденные нашим глубинным (увы и ах, далеко не бесчувственным) воображением.

И снова изумительный Людвиг Витгенштейн:

10.1. 2.01231 *Для такого ознакомления с объектом не обязательно знать его внешние свойства, но необходимо знать все его внутренние свойства.* [4]

10.1.1. Но главный парадокс в том, что большинство внутренних и внешних свойств объекта от нас сокрыто. Мы можем их только воображать или осознанно конструировать.

10.2. 4.003 *Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность.* [4]

10.2.1. Возникает вопрос – кто автор критериев осмысленности и бессмысленности философских вопросов, и как он их смог обзреть во всей их необъятности и непрочтенности. Дух Ницше изрядно проникает в философию Витгенштейна...

10.3. 4.01 *Предложение – модель действительности как мы её себе представляем.* [4]

10.3.1. Какое предложение и какая действительность? Сможем ли мы представить себе аналогичную действительность? Удивительная сила абстракции! Вопрос: бывает ли модель бессмысленной и в чем смысл такой модели?

10.4. 6.371 *В основе всего современного мировоззрения лежит иллюзия, будто бы так называемые законы природы суть объяснения природных явлений.* [4]

10.4.1. Вопрос о силе иллюзии и степени её проникновения в наше мировоззрение, в нашу философию, поэзию... Возможно, весь мир пронизан иллюзией и никто не догадывается, что иллюзия это и есть вся совокупная наша реальность.

10.5. 6.41 *Смысл мира должен находиться вне мира. В мире все есть, как оно есть, и все происходит, как оно происходит; в нем нет ценности – а если бы она и была, то не имела бы ценности. Если есть некая ценность,*

действительно обладающая ценностью, она должна находиться вне всего происходящего и так-бытия. Ибо все происходящее и так-бытие случайны.

[4]

10.5.1. Когда погружаешься в глубины абстракции и интуитивного постижения, «конструкции реальности» самосознания начинают дрожать и терять опоры, потому что теряют смысл все постулаты идеологии и теологии, научного и обыденного миропонимания. Здравый смысл кажется анахронизмом вымерших времен. Поэтому, у всех теорий и учений, у всех здравых смыслов и даже мистических психотехник, существуют свои «запреты» и «табу» на переход границ, зафиксированные и санкционированные создателями и авторитетами. Этот модифицированный предохранитель «чистоты оконтуренного сознания» во всех случаях направлен на фиксацию отдельного сознания индивидуума в границах условного, биосоциального пространства. Такое своеобразное достижение земной человеческой цивилизации...

10.6. Ведь если книга написана для немногих, это и обнаружится в том, что лишь немногие её поймут. Книга должна автоматически разделить тех, кому она понятна, и тех, кому непонятна. И предисловие написано для тех, кому книга понятна. Нет смысла говорить человеку то, что ему непонятно, если к тому же он еще и не в состоянии этого понять. (Как это часто бывает с теми, кого мы любим). [4]

10.6.1. «Не пытайся понять того, что тебе не понято? – Не понял? – И не пытайся!». Пишите книги для избранных – любимые всё равно не поймут... Только ненависть и безразличие способны привести к пониманию избранных философских текстов.

10.7. 248 Философ – тот, кто сначала должен вылечить многие недуги собственного рассудка, прежде чем придет к понятию здравого человеческого разума. [4]

10.7.1. «Недуги собственного рассудка» - тема отдельного исследования для каждого философа. Витгенштейн в данном случае – не исключение.

Но, давайте послушаем что скажет уважаемый Иммануил Кант:

11.1. Разум человеческий так склонен к созиданию, что много раз уже он возводил башню, а потом опять сносил её, чтобы посмотреть, крепко ли лежит фундамент. Никогда не поздно взяться за ум; но если разумное понимание приходит поздно, то труднее бывает дать ему ход. [7]

11.1.1. Ожидание разумного понимания – вечная надежда философов-новаторов. Разум их современников, людей их окружающих, часто не дотягивает до требуемой разумности. А поздние разумения крайне не плодотворны, и ничего, кроме огорчения, не могут принести тому, кого они посетили в поздний час...

11.2. Когда понимание и знание приходят к концу - тогда, и не раньше - сослаться на обыденный человеческий смысл – это одно из тех остроумных изобретений новейших времен, благодаря которым пустейший болтун может безопасно начинать и выдерживать спор против человека с самым основательным умом. ... Эта апелляция к здравому смыслу есть не что иное, как ссылка на суждение толпы, от одобрений которой философ краснеет, а популярный болтун торжествует и делается дерзким. [7]

11.2.1. Неотразимый аргумент – здравый смысл – суждение толпы. Философы должны быть выше здравого смысла. Здравомыслие – это признак полной деградации философа!

11.3. Развитое во всем этом отделе главное положение, что всеобщие законы природы могут познаваться a priori, уже само собою приводит к положению, что высшее законодательство природы должно находиться в нас самих, т.е. в нашем рассудке, и что мы не должны искать этих всеобщих законов в природе посредством опыта, а наоборот – должны природу в её всеобщей закономерности выводить только из условий возможности опыта, лежащих в нашей чувственности и рассудке. [7]

11.3.1. Высшее законодательство природы в нас самих, т.е. в нашем рассудке, в нашей чувственности. Вот она – главная истина мифологии любого философского текста.

11.4. Между природой разума и рассудком должно быть согласие, - разум должен способствовать полноте рассудка и никак не может запутывать его.
[7]

11.4.1. Вычлените разум в чистом виде и не позволяйте ему, чтобы он запутывал ваш рассудок. Ищите гармонию между разумом и рассудком и вы обретете согласие. Не это ли главный смысл познания и бытия?

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Человек в мире слова. – М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. – 140 с.
 2. Биbihин В.В. Мир. – Томск: Водолей, 1995. – 144 с.
 3. Винобер А.В. Мифология текста. Рефлексивная герменевтика осознания (эпюд №1) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 51-76
 4. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. Пер с нем. – М.: Изд-во Гнозис, 1994. – 612 с.
 5. Грицанов А.А., Гурко Е.Н. Жак Деррида. – Мн.: Книжный дом, 2008. – 256 с.
 6. Гройс Б.Е. Философия и время / Б.Е.Гройс // Логос. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Кн. 1. Разум. Духовность. Традиции. – 1991. - С. 5-32
 7. Кант И. Пролегомены / Пер. с нем. – М.: Академический Проект, 2008. – 174 с.
 8. Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. – М.: АО Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1994. – 240 с.
 9. Мамардашвили М. Картезианские размышления. – М.: Прогресс, 1993. – 352 с.
 10. Мамардашвили М. Необходимость себя. / Лекции. Статьи. Философские заметки / Под общ. ред. Ю.П.Сенокосова. – М.: Издательство Лабиринт, 1996. – 432 с.
-

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

MYTHOLOGY OF TEXT. REFLEXIVE HERMENEUTICS OF AWARENESS (ETUDE №2)

The essay is second collage of fragments of works by different philosophers, accompanied by associations and reflections of the author, who set out to discover the presence of common archetypal foundations, invisibly creating the mythology of the text.

Key words: hermeneutics, interpretation, understanding.

Поступила в редакцию 20 декабря 2018